

Память - не минное поле, она не должна быльем порастать

Пять незамысловатых истин о жизни и свойствах человеческой души от пожилого человека, краеведа Михаила Трубина

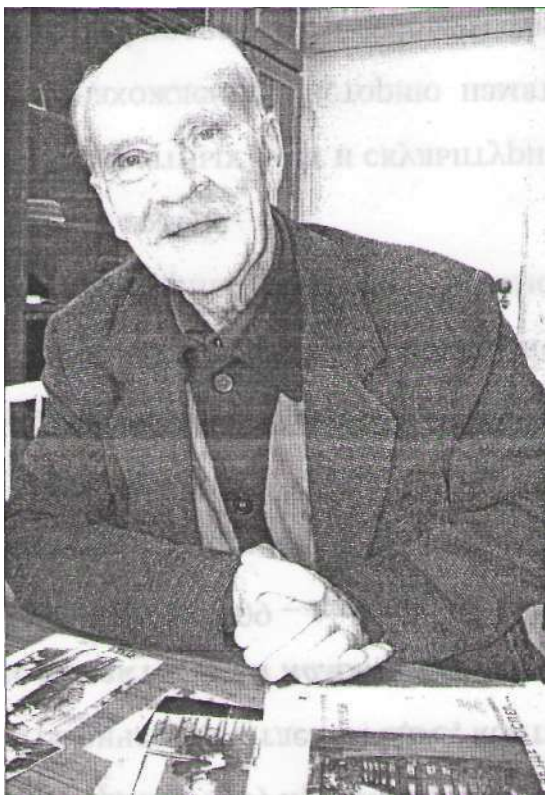
Дождь или солнцем был наполнен день его рождения, не скажет сейчас никто. Одно не вызывает сомнения: безмятежного детства не получилось. Михаил Кузьмич Трубин подрастал в смутное время, когда в деревне повсеместно насаждались советские методы хозяйствования. Стране они ничего хорошего не принесли, а люди пережили боль и страх.

Всегда хочется найти виноватых в своих слезах

...Обычно люди стараются искать виновников своих несчастий и разочарований «на стороне», и при этом только сильнее страдают. Но я из той крепкой крестьянской семьи, которая ни при каких обстоятельствах не заплачет, согнется да не сломается. Жили мы в небольшой деревне на Вилегодчине. Трудились не покладая рук все - от мала до велика. Из пятерых детей я был самый младший - поскребыш, как говорят. Мама Елена Семеновна происходила из богатого рода Старцевых, а отец Кузьма Иванович - бедняк бедняком. Как я узнал позже, мамин отец, мой дед, никак не хотел отдавать ее замуж «за голодранца» и «незнамо, за кого». Но где было богатого-то найти?

В 19-м году с войны вернулись раненые да калеки. Мама про отца так и говорила: «Счастье мое и злосчастие мое». А он на свой лад вторил: «Баба пришла ко мне как пресвятая Богородица - красивая, белоснижая, зубки будто жемчуг». Так и жили: детей рожали, небогатое хозяйство поднимали. От всеобщего принуждения вступить в колхоз родители отказались. А раз так, то и житья в деревне им не стало. «Лишневцев» - тех, кто отказался от колхоза, а потому не имел права голоса, посылали на самые тяжелые работы, труднейшей не платили, мучили неподъемными налогами. Делать нечего: на лошадах, в тридцатиградусный мороз мои родители отправились с тремя детьми в Сибирь на свободные земли. Обосновались в деревне Шарчино, но прижиться на чужой стороне так и не смогли.

Вернуться - тоже некуда: дом продали, землю власти отобрали. Подумали, да и поехали в Коряжму, где только начинала развертываться большая стройка. Отец на краю у леса в козьем поселке (так это место без собой называли местные жители) построил дом. В нем мы с сестрой и родились.

Как бы ни было трудно, ты должен жить, а не небо коптить

Вскоре стройку законсервировали, и жить вообще стало невозможно. Мама, чтобы прокормить семью, начала продавать вино ссыльным, которых было нагнано в поселок отовсюду. Не знала она тогда, что делать надо все тайно, что найдутся «доброжелатели», которые донесут. Дело кончилось тем, что ее посадили на пять лет, а у нас отобрали все, кроме дома. Но самое страшное время началось тогда, когда умер отец. Из детей тот, кто постарше, сам устраивал свою судьбу как мог. Меня же, трех лет от роду и не ходившего еще своими ногами из-за болезни, определили сначала к дяде, а затем в сельвильегодский детский дом.

В 45-м маму освободили, и она приехала, чтобы забрать меня. В поселке Черемуха, где мама работала уборщицей, нам выделили тухлявый домик, продаваемый всеми ветрами. Спал я в бане, а что ел, даже и не помню: голодное было время. В 7

классе меня в школе не допустили к экзаменам - зарос в двойках. Не до учебы мне было. Пошел работать. Был учеником токаря, печником, столяром. В армию не взяли по состоянию здоровья, выдали «волчий билет». Помню, к военному я тогда со слезами пришел: «Почему комиссовали? Стыдно людям в глаза смотреть!» От позора в 57-м году уехал куда глаза глядят. И привела меня дорога в Минск. Вышел на станции-- в кирзовых сапогах, в плаще брезентовом, а в хозяйственной сумке - книги. Не какие-нибудь, а рассказывающие о том, есть ли жизнь на Марсе и что такое полупроводники. Ума не приложу, зачем я тогда их читал!

На работу меня, конечно, не приняли. Наверное, одного моего вида кадровки испугались. После долгих скитаний по вокзалам все же удалось завербоваться на работу в Карелию. Из Сегежи в составе группы из 10 человек отправили в небольшой поселок Гирвас, где в 1958 году я помогал строить лоток, через который предусматривался сброс

леса по воде из одного озера в другое. Потом по комсомольской путевке судьба забросила в Сибирь. Строил высоковольтную ЛЭП-500, про которую позднее Александра Пахмутова сложила известную в те годы песню. Но это только в песне все красиво: тайга, утро бодрящее и солнце яркое. На самом деле условия были ужасающие - жили в палатках в глухом углу, удобства - никаких, питались сухофруктами, сухарями да концентратами. И работали до изнеможения. Но я твердо знал: это моя дорога, я должен по ней пройти...

Вас не аист в форточку принес, а потому надо знать, какого вы роду-племени

У каждого из нас своя история. Но для человека культурного и образованного нет ничего священнее, чем знать свою родословную. Краеведением я занимаюсь 25 лет, путешествую по городам и весям - зачастую пешком. Это дает возможность пообщаться с большим количеством людей, собрать интересные сведения о судьбе своих предков. Для чего мне это нужно? Наверное, для того, чтобы быть крепким - веточкой большого дерева, которое корнями уходит в землю.

Вологодский писатель Василий Белов писал: «Память формирует духовную крепость человека. Только и память разная бывает. Иной всемирную историю вызубрил, а про славу своей деревни не слышал». Вот и я, занимаясь поиском сведений о своих предках, общаясь с людьми разного возраста, порой натываюсь на непонимание. Иной раз слышу: да все мы от одной обезьяны произошли. Так-то оно так, но я хочу знать, насколько далеко во времени я стою от той обезьяны. Как-то спрашиваю у одного парня: «Знаешь ли ты, как звали твоего прадедушку?» Реакция незамедлительная: «А зачем мне это надо?» Да, думаю, может, у него действительно прадедушки не было? Или его прадека аист через форточку принес, или, может, в пакете его нашли? Вот ведь до чего дожили! Живем-живем, а ради чего нас родители на Божий свет пустили, не ведаем. Содержим собаку, гордимся ее родословной, а своей не знаем.

Избавляйтесь от постыдного комплекса Иванов, не помнящих родства

Однажды моя двоюродная сестренка заявила: «Для чего ее знать-то, «сельмуку воду на киселе»? Пусть так - какая бы вода на киселе ни была, но гены правнуков из поколения в поколение наследуют все врожденные признаки, способности, болезни своих пращуров. Если кто совер-

шит тяжкий грех, то все его семь колен, начиная с него, будут на себе испытывать Божью кару. Вот ведь как. Мать моего дедушки Семена Федоровича Старцева, например, перед смертью решила исполнить свой последний долг - благословить детей. На что дед заявил: «Да ну тебя с твоим благословением! Когда ты умрешь, я женюсь и живу на широкую ногу». Не получилось - вся жизнь пошла кувырком. И только спустя 70 лет дед признался родственникам, какой совершил грех, не приняв материнского благословения.

Или еще пример. Одна старушка не обнаружила однажды спрятанные за иконой деньги. Спросила мужа, сына, а те в один голос: не брал - все тут. Тогда она в церкви, стоя перед иконой, молилась и приговаривала: «Пусть у того, кто украл, руки по локоть отсохнут». И что вы думаете? Через три дня ей сообщили, что сын обморозил руки. Велико было материнское горе! Как женщина каляла, как просила Господа прощения за свое проклятие!

Рокowymi в нашей жизни бывают и числа. Они будто диктуют какую-то свою, определенную цепочку событий. Для меня таким числом стала тройка. В три года потерял отца, три года провел в детском доме, три года жил у сестры, которая держала меня в «ежовых рукавицах», и еще много-много было таких троек-совпадений. А как выяснил позже, это число сыграло немаловажную роль и в жизни моих предков...

Бросайте под ноги, отпочте белый флаг. Освобождаетесь!

Иногда думаю: как много пережито! И плохого, и хорошего. Может, кто думает, что раньше было невynosимо? Нет. В молодости трудно не бывает. Хотя мы вставали и поднимались даже тогда, когда не было сил подняться. Самое трудное время, на мой взгляд, сейчас. Не в смысле материального благополучия, с этим все в порядке - живи да радуйся. Я говорю о понимании происходящего. Время сейчас подчинено иным законам, в чести совсем другие ценности. Общество живет слишком по душам, отмечает праздники за большим столом. Каждый закрылся в своей скорлупе. А между тем (кто знает, тот поймет) самое страшное состояние человека - это одиночество. Оно куда страшнее бедности. Будто живешь «под белым флагом» - и нет конца страданиям.

Мои поездки не дают мне скучать. В каких только российских городах не был! Насобирав обширный и богатый материал о прошлом Вилегодского края. Написал книгу о легендарном вилегодчине Василии Шуле. Готовится увидеть свет и вторая моя книга: «Династия вилегодских хлебопашцев» - о людях, на которых всегда держалось сельское хозяйство. А главное, я не перестаю заниматься изучением своего генеалогического древа. И столько всего открываешься! Эта работа научила меня понимать, для чего я живу в этом мире и в чем мое предназначение. Каждый человек должен это понимать.

Записала
Антонина РОМАНЮК.
Фото автора.